

Основано на реальных событиях

*Посвящается Джой,
которой эта книга нравилась с самого начала,
но которой, увы, не довелось
увидеть ее завершения.*

«Подделка — это двойное убийство, ибо она лишает первозданного существования как оригинал, так и копию».

Мадам де Сталь

«В мире нет ничего оригинального».

Джим Джармуш

*21 августа 1911 года
Париж, Франция*

Всю ночь он провел, скорчившись в темноте, и перед его мысленным взором проносились адские, как на картинах Босха, сцены: какие-то отвратительные чудовища, корчащиеся в пламени люди... Он безотрывно вглядывается во тьму, понимая, что в таком же мраке проведет остаток своих дней.

«Мы теряем то, что недостаточно ценим», — крутится в голове единственная мысль, пока он надевает поверх уличной одежды свой рабочий халат, застегивает его и открывает дверь чулана.

В музее темно, но он без труда находит дорогу, пробираясь по длинной галерее. Расположение залов он знает прекрасно; чувство вины только подогревает его решимость. Хищная тень крылатой Ники Самофракийской пугает его до дрожи, хотя ему душно в застоявшемся воздухе.

Знакомое лицо выныривает из темноты, как призрак: красивые губы потрескались, кожа стала серой. Откуда-то доносится детский плач. Он затыкает уши и всхлипывает, изгибаясь то в одну, то в другую сторону, словно ища во тьме свою утраченную любовь и своего ребенка; он шепчет их имена, и стены зала надвигаются, склоняясь к нему, а ощущение пустоты внутри усиливается, пока, наконец, не охватывает

Джонатан Сантлоуфер

его целиком: он как будто становится полым. Тогда он понимает, что чувство опустошения, которое так долго его не отпускало, было предчувствием, предпросмотром остатка жизни: он привыкал быть покойником.

«Чьи это шаги?»

Но нет, сейчас раннее утро, к тому же понедельник, музей закрыт для посетителей. Застыв на месте, он вглядывается в полумрак галереи, но ничего не видит. Должно быть, померещилось; ему уже трудно отличить реальность от воображения. Приставив к уху руку в перчатке, он прислушивается, но вокруг тихо, слышно лишь его собственное тяжелое дыхание и лихорадочный стук сердца.

Еще несколько шагов через арку и галерею Двора Висконти — зал с высокими потолками, на стенах которого помещаются картины размером с фреску. Полотна в темноте выглядят черными прямоугольниками, но ему нетрудно их представить: пейзаж Коро, знаменитая батальная сцена Делакруа, «Коронация Наполеона» кисти Жака-Луи Давида — диктатор в возмутительном наряде, в плаще из шкуры животного и венце из плюща, с самодовольным и торжествующим выражением лица.

Именно в тот момент, когда он представляет себе Наполеона, его воспаленное воображение изобретает то самое объяснение, которое позже будет напечатано в газетах: «Я украл картину, чтобы вернуть ее на родину».

Тогда он превратится из безродного иммигранта в патриота и героя.

Уже более уверенно, сосредоточенно и целеустремленно он движется по следующей, узкой галерее. Он всем покажет, кто он такой.

Последняя Мона Лиза

В малой галерее Квадратного салона он едва различает силуэты картин Тициана и Корреджо и мерцающий между ними приз — дама среди скал, недремлющий вампир, самая известная женщина в мире — «Мона Лиза».

Пока он выкручивает железные болты из маленькой деревянной панели, сердце его бешено колотится, нервные окончания покалывают, в голове проносятся десятки мыслей. Одержимый своей затеей, он не замечает собственного искаженного отражения в стекле, которое сам же и вставлял всего лишь на прошлой неделе.

На все уходит пять минут.

Потом он, прижав к груди картину, неслышной тенью скользит из одного зала в другой, затем вниз по галерее на лестничную клетку, где останавливается, чтобы снять с картины тяжелую раму со стеклом и оставить их здесь. И вновь он движется по узкому коридору, обставленному мраморными скульптурами, теперь уже быстрее, потев и тяжело дыша, ныряет под арку и, наконец, добирается до бокового выхода Порте-дез-Ар. Все проходит в точности, как планировалось, мечта сбывается... Вот только дверная ручка не поворачивается.

Он дергает и крутит, тянет и трясет ее, но ручка не шевелится; и единственное производимое движение — бег его отчаянных мыслей.

Глубокий вздох, затем еще один, и тут его осеняет: отвертка, ну, конечно! Тем же самым инструментом, которым он только что вывинчивал болты, он открывает фурнитуру замка; наконец, дверная ручка падает ему на ладонь, и он прячет ее в карман рабочего халата, который затем снимает, плотно скатывает и засовывает за пояс на спине.

Джонатан Сантлоуфер

Подрамник с картиной он прячет под рубашку; старое полотно царапает его кожу, когда он застегивает поверх рубашки пиджак. Его сердце бьется об лицо таинственной четырехсотлетней красавицы, которая не раз становилась свидетельницей собственного похищения, наблюдала за многочисленными аудиенциями со стены спальни Наполеона, выдержала взгляды миллионов зевак, и теперь, уставшая и измученная жизнью, она жаждет отдыха — но ее история еще далека от завершения.



Декабрь 2019 года,
Флоренция, Италия

Карло Бьянки приложил платок к носу, утирая соплю. Его магазинчик на Виа Страчателла, недалеко от Понте-Веккьо, был маленьким и тесным: книги стояли на полках, лежали на столе и на полу стопками, похожими на миниатюрные деревни индейцев майя. Пыльный магазин весь пропах плесенью и сыростью.

Бьянки искал книгу об устройстве садов рококо — насколько он помнил, она была где-то здесь. Наконец, она нашлась в самом низу высокой стопки. Лежа на боку и подметая бородой пол, он вытаскивал книгу, когда вдруг увидел перед своим лицом мужские кроссовки на толстой подошве.

Бьянки едва не вывернул шею, пытаясь с пола рассмотреть незнакомца.

«*Posso aiutarla?*»*

Мужчина посмотрел на него сверху вниз:

— Вы говорите по-английски?

— Да, — ответил Бьянки, поднимаясь на ноги и отряхивая пыль со штанов и куртки. — Когда всю жизнь имеешь дело с книгами, выучиваешь много языков.

* «Я могу вам помочь?» (*итал.*)

Джонатан Сантлоуфер

— Я ищу дневник, рукописный журнал, который вы недавно купили у французского книжного торговца по имени Пеллетье.

— Пеллетье? Точно не помню. У меня это должно быть отмечено в списке недавних покупок, — Бьянки сделал вид, что роется в ворохе квитанций, лежавших на столе. Он помнил каждую книгу, которую продал или купил, в том числе у французского букиниста Пеллетье, но он никогда не разглашал личных данных своих клиентов.

— Дневник был написан больше ста лет назад, — добавил посетитель.

Пеллетье клялся, что продал дневник этому Бьянки, а мало кто из людей способен лгать, только что лишившись пальца и рискуя потерять второй.

— Вы никак не могли забыть такую покупку, — незнакомец положил ладонь на руку Бьянки и прижал ее к прилавку.

— Си, си, я вспомнил, — заговорил продавец. — Такой рукописный дневник, на итальянском языке?

Мужчина отпустил его руку, Бьянки поспешно убрал ее и попятился, едва не кланяясь.

— Мне очень жаль, но... этот дневник... я уже продал его.

— Кому?

— Одному старичку-коллекционеру, он собирает всякую всячину.

— Как его зовут?

— Я не пом...

Незнакомец схватил Бьянки «за грудки» и приподнял его, оторвав от пола.

— Имя? Быстро!

— Г-гульермо, — выдавил Бьянки, размахивая руками и суча ногами в воздухе.

Последняя Мона Лиза

Мужчина разжал руки, и Бьянки неловко приземлился, опрокинув высокую стопку книг.

— А где бы мне найти этого Гульермо?

— Он... он... э-э... — Бьянки запнулся, переводя дыхание, — профессор... в университете... во Флоренции, но... но, по-моему, сейчас он на пенсии.

Он украдкой бросил взгляд в окно — нет ли там случайно кого-нибудь, кого он мог бы позвать на помощь — однако посетитель тут же загородил его собой.

— Адрес!

— М-мне кажется, его можно узнать в университете...

Незнакомец посмотрел ему в глаза таким тяжелым взглядом, что Бьянки тут же принялся листать свою картотеку. Найдя нужную карточку, он хотел зачитать адрес, но мужчина выхватил картонку из его пальцев.

— Вы ведь сами не читали этот дневник, верно?

— Я? Нет-нет! — потряс головой Бьянки.

— Но знаете, что он был написан по-итальянски...

— Мне, должно быть, Пеллетье сказал... а может, я взглянул на одну страничку, не больше.

— Ясно, — губы незнакомца растянулись, обнажив прокуренные зубы, карточка исчезла у него в кармане. — И вы никому не скажете, что я приходил, ни этому Гульермо, никому другому...

— Нет, синьор, нет. Даже Пеллетье. Я ни словечка никому не скажу.

— Конечно нет, — произнес незнакомец.

Бьянки еще пытался восстановить дыхание и равновесие, когда посетитель вдруг ударил его кулаком в грудь. Взмахнув руками, торговец опрокинулся на другую стопку книг.

Джонатан Сантлоуфер

Мужчина поднял его, ухватил руками за горло, сдавил и начал душить. Бьянки хотел взмолиться о пощаде, но смог издать лишь несколько сдавленных писков; комната поплыла перед его взором.

— Нет, ни словечка не скажешь, — произнес мужчина, почувствовав, что гортань букиниста хрустнула под его пальцами.

2



Два месяца спустя

Из-за письма, пришедшего на электронную почту менее двух недель назад, я утратил способность думать о чем-либо другом и бросил все дела ради прозрачной возможности. Можно сказать, причуды. И вот я здесь. Пытаясь справиться с волнением, я остановился и размял затекшие мышцы, затем покатил чемодан по длинным переходам, ощущая смесь утомления и возбуждения после восьмичасового перелета из Нью-Йорка, где тоже, в общем, было не до сна.

Аэропорт Леонардо да Винчи напоминал большинство себе подобных безликой многолюдностью и ярким, режущим светом. Тот факт, что он был назван в честь Леонардо, показался мне пророческим, хотя назвали его так, конечно, не для меня. Я взглянул на часы: шесть утра. Затем я поискал поезд в город, нашел его и, гордясь этим достижением, рухнул на свое место и закрыл глаза. В голове комариной стайкой вился сразу десяток мыслей.

Тридцать две минуты спустя я оказался на Рома Термини, огромном многолюдном вокзале, в котором пульсировал гудящий рой пассажиров. Поезда,

Последняя Мона Лиза

парившие прямо за билетными киосками, изрыгая в зимний воздух белые дымки, придавали ему некоторые элементы романтики.

Итак, я врезался в людскую толпу — «*Scusami, scusami*»* — с благодарностью вспоминая родителей, которые с малых лет обучали меня родному языку, и пошел от одного поезда к другому, сжимая в руке билет, ища глазами на большом табло Флоренцию и чувствуя, как уходит минута за минутой. В итоге я чуть не опоздал на свой поезд, потому что в расписании был указан лишь его конечный пункт назначения, Венеция. Как бы мне хотелось побывать в Венеции. Ну, как-нибудь в другой раз; а сейчас я приехал по делу.

Поезд до Флоренции оказался новым, чистым, с удобными сиденьями. Я поставил свой чемодан на багажную полку, снял рюкзак, уселся и тут же пару раз клюнул носом — при этом перед глазами возникли какие-то летящие по воздуху страницы, которые я пытался и никак не мог поймать.

Чтобы прогнать сон, я выпил кока-колы и стал смотреть в окно. Равнинные пейзажи постепенно сменились холмами, за которыми возвышались далекие горы со средневековыми городками на макушке. Вся обстановка казалась мне немного нереальной, словно я смотрел кино, а не ехал к открытию, которое, как я надеялся, должно было дать ответ на загадку столетней давности и увенчать мои двадцатилетние исследования судьбы самого известного преступника в нашем роду.

Через полтора часа я вышел из шумного вокзала Санта-Мария-Новелла в центре Флоренции и поволок

* «Извините, извините» (*итал.*).

Джонатан Сантлоуфер

свой чемодан по ее мощным улочкам. Неяркое солнце то пряталось, то выглядывало из-за низких облаков, воздух был свежим и холодным. Я воспроизвел в памяти события последних двух недель: получение электронного письма; покупка билета с открытой датой; поездка в итальянское консульство, где я, используя все свое обаяние, уговорил тамошнюю молодую сотрудницу выдать мне культурное «пермессо»*, а также письмо, удостоверяющее, что я являюсь профессором искусств в университете, и предоставляющее доступ в итальянские культурные учреждения; затем звонок двоюродному брату в Санта-Фе. Он скульптор, всегда готовый ставить арт-сцены в Нью-Йорке, и он был страшно рад возможности снять мой лофт в Бауэри. Неделей позже я завернул картины в пузырчатую пленку, передал занятия в колледже своему дипломнику и взял отпуск за неделю до конца сессии — рискованный шаг для преподавателя, надеющегося получить профессорскую должность.

Перейдя широкую улицу перед вокзалом, я нырнул в лабиринт узеньких улочек, пытаюсь следовать указаниям GPS своего сотового, который то и дело менял маршрут. Дважды мне пришлось поворачивать обратно, но все же минут через десять я добрался до Пьяцца-ди-Мадонна — большой прямоугольной площади, над которой возвышалась крашеная охрой часовня с куполом из красного кирпича — и разглядел там старинную электрическую вывеску с названием нужной мне гостиницы: «Палаццо Сплендор».

Вестибюль гостиницы был размером с небольшую манхэттенскую кухню. Давно не крашенные стены, полы из сильно потрескавшегося бело-пестрого

* Разрешение (*итал.*).

Последняя Мона Лиза

мрамора, единственное украшение — выцветшая черно-белая фотография статуи Давида Микеланджело.

— Люк Перроне, — сказал я сидевшему за столом молодому парню: покрытые расплывшимися татуировками жилистые руки, дымящаяся сигарета, все внимание на зажатый между ухом и плечом мобильник — этакая наркоманская эстетика.

— *Пассанорто*, — отвечивал тот, не поднимая глаз. Когда я спросил на своем лучшем итальянском, могу ли я оставить свой чемодан и вернуться попозже, он поднял вверх палец, как будто я мешал его беседе. Явно личной, если только он не называл всех жильцов гостиницы «иль мио аморе». Не дожидаясь ответа, я поставил чемодан и направился к выходу.

Гугл-карты сообщили, что монастырь Сан-Лоренцо располагается в пяти минутах ходьбы от меня, и я думал, что легко туда доберусь. Но сначала я пошел не в ту сторону, потом понял, что держу карту вверх ногами. Я вернулся, еще раз обогнул купол часовни на Пьяцца-ди-Мадонна и пошел по указанному маршруту мимо громоздившихся друг на друга красно-коричневых строений, затем вдоль длинной, до конца квартала, неровной каменной стены с нишами в виде арок со ступеньками. Площадь Сан-Лоренцо была пустой и почти безлюдной, если не считать нескольких туристов и пары монахов в длинных коричневых хламидах.

Я осмотрелся, начиная понимать, что все окружающее и увиденное ранее — часть огромного единого комплекса.

Базилика песочного цвета прямо передо мной казалась грубо сработанной и незавершенной, три ее арочных входа с тяжелыми деревянными дверями

Джонатан Сантлоуфер

были закрыты. Слева от церкви находилась арка поменьше, за ней — темный переулок, который привел меня в знаменитую обитель Сан-Лоренцо — место, которое я раньше видел лишь на фотографиях.

Сделав несколько шагов, я словно очутился в дивном сне: квадратный садик с шестиугольными изгородями и двухэтажной лоджией, классический и гармоничный — все это спроектировал мой любимый архитектор эпохи Возрождения Брунеллески. На мгновение я попытался представить себя живописцем времен Высокого Возрождения, а не каким-то нью-йоркским художником, который бьется за кусок хлеба и преподает историю искусства, чтобы оплачивать счета.

Я вздохнул, и мое дыхание обратилось в парок. Утро было холодное, и все во дворе покрылось серебристым инеем. Три монаха в длинных шерстяных балахонах обматывали растения мешковиной, и я в своей тонкой кожаной курточке озяб до дрожи. Не думал я, что во Флоренции будет так холодно. Если честно, после получения того письма я вообще мало о чем думал.

«Уважаемый мистер Перроне, одна из последних просьб профессора Антонио Гульермо заключалась в том, чтобы я связался с Вами по поводу найденного им дневника, предположительно написанного Вашим прадедом. Профессор собирался опубликовать какую-то работу об этом дневнике, которая должна была стать «откровением», как он утверждал. К сожалению, внезапная смерть помешала ему даже написать ее.

Сам дневник вместе с другими книгами и бумагами профессора был передан в дар Лаврентийской

Последняя Мона Лиза

библиотеке во Флоренции. Я составлял каталог его работ и уложил журнал в коробку с надписью «Мастера Высокого Возрождения».

Чтобы увидеть бумаги профессора Гульермо, Вам нужно получить культурное permesso, полагаю, это не составит большого труда.

Если будете запрашивать эти бумаги, советую Вам не упоминать сам дневник и прошу не ссылаться на меня при составлении запроса.

Искренне Ваш,

Луиджи Кватрокки
Quattrocchi@italia.university.org»

Я сразу же связался с Кватрокки по электронной почте. Судя по ответу, тот был в здравом уме и не собирался меня разыгрывать. Он подтвердил факт существования дневника, хотя и не мог поручиться за его подлинность.

Уже много лет я рассылал письма, простые и электронные, в поисках хоть какой-нибудь информации о прадеде. Большинство из них оставались без ответа, а те отклики, что я получал, неизменно требовали денежных затрат, но не давали результатов. На сей раз информация пришла сама, бесплатно, и за ней не скрывалось никакого лукавства — во всяком случае, не просматривалось.

— Простите, синьор, — ко мне приближался один из монахов, молодой, с рыжей бородой и поразительно голубыми глазами. — Вы ждете, когда откроется библиотека?

— Ну, да! — отрезал я, потом извинился. — Вы говорите по-английски?

— Немножко, — ответил он.

Тогда я сказал, что владею итальянским.